

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

М. Ю. Лермонтов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Наполеон

Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежно положен,
В сырой земле и в яме неглубокой -
Там спит герой, друзья! - Наполеон!..
Вещают там и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн прибрежных стон!

Но вот полночь свинцовый свой покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою
Диана серебрила.
Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуждать,
Он арфу взял, запел, ударил в струны...

«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
Гремел, носился глас его священный?
Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный;
А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его хранить!

«Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражался?
И скипетром стальным короны разбивал?
Зачем шутил граждан спокойных кровью,
Презрел и дружбой и любовью
И пред творцом не трепетал?..

«Ему, погибельно войною принужденный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов - но... воин дерзновенный!
Творец смешал непоколебимый ум,
Ты побежден московскими стенами...
Бежал!., и скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум.

«Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас.
Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир весенний,
Безвестный гость, дубравы соловей,
Порою издает томительные звуки,
В них слышны: слава прежних дней,
И голос нег, и голос муки!..

«Когда уже едва свет дневный отражен
Кристалльною играющей волною
И гаснет день: усталою стопою
Идет рыбак берегов на тихий склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
Не перестав простую песню петь...

«Вдруг!.. ветерок... луна за тучи забежала...
Умолк певец. Струится в жилах хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... и тень ему предстала:

«Умолкни, о певец! - спеши отсюда прочь,

С хвалой иль язвою упрека:

Мне все равно; в могиле вечно ночь. -

Там нет ни почестей, ни счастья, ни рока!

Пускай историю страстей

И дел моих хранят далекие потомки:

Я презираю песнопенья громки; -

Я выше и похвал, и славы, и людей!..»

1829

Жалобы турка

(Письмо. К другу, иностранцу)

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,

Где рощи и луга поблекшие цветут?

Где хитрость и беспечность злобе дань несут?

Где сердце жителей волнуемо страстями?

И где являются порой

Умы и хладные и твердые как камень?

Но мощь их давится безвременной тоской,

И рано гаснет в них добра спокойный пламень.

Там рано жизнь тяжка бывает для людей,

Там за утхами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

P. S.

Ах, если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? - Все мы человеки!..

1829

Мой демон

Собранье зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетевших
Стоит его подвижный трон;
На нем, среди ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,

Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.

1829

Монолог

Поверь, ничтожество есть благо
в здешнем свете.
К чему глубокие познания, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?
Мы, дети севера, как здешние растения,
Цветем недолго, быстро увядаем...
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша.
Так недолго
Ее однообразное течение...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,

И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

1829

Одиночество

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье - все готовы:
Никто не хочет грусть делить.

Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушны,
Года уходят будто сны;

И вновь приходят, с позлащенной,
Но той же старою мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждет; что ж медлить над землей?

Никто о том не покрутится,
И будут (я уверен в том)

О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...

1830

Звезда

Светись, светись, далекая звезда,
Что я в ночи встречал тебя всегда;
Твой слабый луч, сражаясь с темнотой,
Несет мечты душе моей больной;
Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко...

Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но как к тебе, к нему еще лечу,
И хоть нельзя, - смотреть его хочу...

1830

1830

Мая 16 числа

Боюсь не смерти я. О, нет!

Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет;
Хочу - и снова затрудненье!
Зачем? Что пользы будет мне?
Мое свершится разрушенье
В чужой, неведомой стране.
Я не хочу бродить меж вами
По разрушение! - Творец,
На то ли я звучал струнами,
На то ли создан был певец?
На то ли вдохновенье, страсти
Меня к могиле привели?
И нет в душе довольно власти -
Люблю мучения земли.
И этот образ, он за мною
В могилу силится бежать,
Туда, где обещал мне дать
Ты место к вечному покою.
Но чувствую: покоя нет,
И там, и там его не будет;
Тех длинных, тех жестоких лет
Страдалец вечно не забудет!..

(Предсказание)

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь - и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! - твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

1830

Новгород

Сыны снегов, сыны славян,

Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!..
Есть бедный град, там видели народы
Все то, к чему теперь ваш дух летит.

(3 октября 1830)

1831-го июня 11 дня

1

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил
Все оболыпенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил;
И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сон,
Как мир, не мог быть ими омрачен.

2

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизньнюю иной,
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных.
О нет! все было ад иль небо в них.

3

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить
Желание блаженства. Пыл страстей
Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
Хоть тень их перелить в другую грудь.

4

Известность, слава, что они? - а есть
У них над мною власть; и мне они
Велят себе на жертву все принести,

И я влачу мучительные дни
Без цели, оклеветан, одинок;
Но верю им! - неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и живой
Я смерти отдал все, что дар земной.

5

Но для небесного могилы нет.
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймут их, удивленный свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь;
С моим названьем станут повторять
Твое: на что им мертвых разлучать?

6

К погибшим люди справедливы; сын Боготворит, что проклинал отец.
Чтоб в этом убедиться, до седин
Дожить не нужно. Есть всему конец;
Немного долголетней человек
Цветка; в сравненье с вечностью их век
Равно ничтожен. Пережить одна

Душа лишь колыбель свою должна.

7

Так и ее созданья. Иногда,
На берегу реки, один, забыт,
Я наблюдал, как быстрая вода,
Синея, гнется в волны, как шипит
Над ними пена белой полосой;
И я глядел и мыслию иной
Я не был занят, и пустынный шум
Рассеивал толпу глубоких дум.

8

Тут был я счастлив... О, когда б я мог
Забывать, - что незабвенно! женский взор!
Причину стольких слез, безумств, тревог!
Другой владеет ею с давних пор,
И я другую с нежностью люблю,
Хочу любить, - и небеса молю
О новых муках; но в груди моей
Все жив печальный призрак прежних дней.

9

Никто не дорожит мной на земле,
И сам себе я в тягость, как другим;
Тоска блуждает на моем челе.
Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
Зачем ей знать, что в нем заключено?
Огонь иль сумрак там - ей все равно.

10

Темна проходит туча в небесах,
И в ней таится пламень роковой;
Он, вырываясь, обращает в прах
Все, что ни встретит.
С дивной быстротой
Блеснет, и снова в облаке укрыт;
И кто его источник объяснит,
И кто заглянет в недра облаков?
Зачем? они исчезнут без следов.

11

Грядущее тревожит грудь мою.

Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто голос мой
Услышит и узнает?.. И с тоской
Я вижу, что любить, как я, - пророк,
И вижу, я слабей любить не мог.

12

Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она
Желанье, порожденное в крови,
Расстройство мозга иль виденье сна.
Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! - любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

13

И отучить не мог меня обман.
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней;

Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.

14

И о судьбе ее чужой пришлец
Жалеет. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконец
Увянет преждевременно она;
Но с корнем не исторгнет никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Так лишь в разбитом сердце может страсть
Иметь неограниченную власть.

15

Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует; мщением дыша
Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:

С такой душой ты Бог или злодей...

16

Как нравились всегда пустыни мне.

Люблю я ветер меж нагих холмов,

И коршуна в небесной вышине, ч

И на равнине тени облаков.

Ярма не знает резвый здесь табун,

И кровожадный тешится летун

Под синевой, и облако степей

Свободней как-то мчится и светлей.

17

И мысль о вечности, как великан,

Ум человека поражает вдруг,

Когда степей безбрежный океан

Синеет пред глазами; каждый звук

Гармонии вселенной, каждый час

Страданья или радости для нас

Становится понятен, и себе

Отчет мы можем дать в своей судьбе.

18

Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится день,
На западе светило видит взор
И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,
Кругом всё горы чудной высоты,
Как после бури облака стоят,
И странные верхи в лучах горят.

19

И сердце, полно, полно прежних лет,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводит в жизнь минувшего скелет,
И в нем почти все та же красота.
Так любим мы глядеть на свой портрет,
Хоть с нами в нем уж сходства больше нет,
Хоть на холсте хранится блеск очей,
Погаснувших от время и страстей.

20

Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?

Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен земным.

21

Печален степи вид, где без препон,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучий аквилон
И пред собой свободно гонит пыль;
И где кругом, как зорко ни смотри,
Встречает взгляд березы две иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой.

22

Так жизнь скучна, когда боренья нет.
В минувшее проникнув, различить
В ней мало дел мы можем, в цвете лет
Она души не будет веселить.
Мне нужно действовать, я каждый день

Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

23

Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь все как-то коротка
И все боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! - Жажда бытия
Во мне сильней страданий роковых,
Хотя я презираю жизнь других.

24

Есть время - леденеет быстрый ум;
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен: усыпление дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна,
Находишь корень мук в себе самом
И небо обвинить нельзя ни в чем.

25

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном все чисто, а в другом все зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

26

Никто не получал, чего хотел
И что любил, и если даже тот,
Кому счастливым небом дан удел,
В уме своем минувшее пройдет,
Увидит он, что мог счастливей быть,
Когда бы не умела отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко берегу возвратиться не сильна.

27

Когда, гонима бурей роковой,
Шипит и мчится с пеною своей,
Она все помнит тот залив родной,
Где пенилась в приютах камышей,
И, может быть, она опять придет
В другой залив, но там уж не найдет
Себе покоя: кто в морях блуждал,
Тот не заснет в тени прибрежных скал.

28

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец;
Но равнодушный мир не должен знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

29

Все. Нет, не все: созданье есть одно
Способное любить - хоть не меня;
До этих пор не верит мне оно,

Однако сердце, полное огня,
Не увлечется мненьем, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем, и молвой,
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда.

31

И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль
Его встревожит, он посмотрит вдаль,

Увидит облака с лазурью волн,
И белый парус, и бегучий челн.

32

И мой курган! - любимые мечты
Мои подобны этим. Сладость есть
Во всем, что не сбылось, - есть красоты
В таких картинах; только перенести
Их на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна, как игра детей,
Как арфы звук в молчании ночей!

Небо и звезды

Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье ребенка;
О! для чего мне нельзя и подумать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое!
Чем ты несчастлив? -
Скажут мне люди.
Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо -

Звезды и небо! - а я человек!..

Люди друг к другу

Зависть питают;

Я же, напротив,

Только завидую звездам прекрасным,

Только их место занять бы желал.

1831

Волны и люди

Волны катятся одна за другою

С плеском и шумом глухим;

Люди проходят ничтожной толпою

Также один за другим.

Волнам их воля и холод дороже

Знойных полудня лучей;

Люди хотят иметь души... и что же? -

Души в них волн холодней!

1830-1831

Мой дом

Мой дом везде, где есть небесный свод,

Где только слышны звуки песен,
Все, в чем есть искра жизни, в нем живет,
Но для поэта он не тесен.

До самых звезд он кровлей достигает
И от одной стены к другой
Далекий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.

Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, течение века
Объемлет в краткий миг оно.

И всемогущий мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в нем,
И в нем лишь буду я спокоен.

1830-1831

Земля и небо

Как землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно;

Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
Но мы знаем, какое оно.

О надеждах и муках былых вспоминать
В нас тайная склонность кипит;
Нас тревожит неверность надежды земной,
А краткость печали смешит.

Страшна в настоящем бывает душе
Грядущего темная даль;
Мы блаженство желали б вкусить в небесах,
Но с миром расстаться нам жаль.

Что во власти у нас, то приятнее нам,
Хоть мы ищем другого порой;
Но в час расставанья мы видим ясней,
Как оно породнилось с душой.

1830-1831

Мой демон

Собранье зол его стихия;
Носясь меж темных облаков,
Он любит бури роковые,

И пену рек, и шум дубров;
Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи
Безвестные слезам и сну.

К ничтожным, хладным толкам света
Привык прислушиваться он,
Ему смешны слова привета
И всякий верящий смешон;
Он чужд любви и сожаленья,
Живет он пищею земной,
Глотает жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.

Родится ли страдалец новый,
Он беспокоит дух отца,
Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица;
Когда же кто-нибудь нисходит
В могилу с трепетной душой,
Он час последний с ним проводит,
Но не утешен им больной.

И гордый демон не отстанет,

Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.

1831

Нет, я не
Байрон, я другой,
Еще не ведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я - или Бог - или никто!

1832

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

1832

Парус

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит;

Увы, - он счастья не ищет

И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,

Над ним луч солнца золотой...

А он, мятежный, просит бури,

Как будто в бурях есть покой!

1832

Бородино

- Скажи-ка, дядя, ведь не даром

Москва, спаленная пожаром,

Французу отдана?

Ведь были ж схватки боевые,

Да, говорят, еще какие!

Недаром помнит вся Россия

Про день Бородина!

- Да, были люди в наше время,

Не то, что нынешнее племя: Богатыри - не вы!

Плохая им досталась доля:

Немногие вернулись с поля...

Не будь на то Господня воля,

Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,

Досадно было, боя ждали,

Ворчали старики:

«Что ж мы? на зимние квартиры?

Не смеют что ли командиры

Чужие изорвать мундиры

О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:

Есть разгуляться где на воле!

Построили редут.

У наших ушки на макушке!

Чуть утро осветило пушки

И леса синие верхушки -

Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго

И думал: угощу я друга!

Постой-ка, брат мусью!

Что тут хитрить, пожалуй к бою;

Уж мы пойдем ломить стеною,

Уж постоим мы головою

За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.

Что толку в этакой безделке?

Мы ждали третий день.

Повсюду стали слышны речи:

«Пора добраться до картечи!»

И вот на поле грозной сечи

Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,

И слышно было до рассвета,

Как ликовал француз.

Но тих был наш бивак открытый:

Кто кивер чистил весь избитый,

Кто штык точил, ворча сердито,

Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,

Все шумно вдруг зашевелилось,

Сверкнул за строем строй.

Полковник наш рожден был хватом:

Слуга царю, отец солдатам...

Да, жаль его: сражен булатом,

Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек!
Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась - как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось.
Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять..
Вот затрещали барабаны -
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя: Богатыри - не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не Божья воля,
Не отдали б Москвы!

Смерть поэта

Отмщение, государь, отмщение!

Паду к ногам твоим:

Будь справедлив и накажи убийцу,

Чтоб казнь его в позднейшие века

Твой правый суд потомству возвестила,

Чтоб видели злодеи в ней пример.

Погиб поэт! - невольник чести -

Пал, оклеветанный молвой,

С свинцом в груди и жаждой мести,

Поникнув гордой головой!..

Не вынесла душа поэта

Позора мелочных обид,

Восстал он против мнений света

Один, как прежде... и убит!

Убит!.. К чему теперь рыдания,

Пустых похвал ненужный хор

И жалкий лепет оправданья?

Судьбы свершился приговор!

Не вы ль сперва так злобно гнали

Его свободный, смелый дар

И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?

Что ж? веселитесь... Он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит - и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,

Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет, завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок - они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он - с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.

Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

Добрый конь в зеленом поле

Без узды, один, по воле
Скачет, весел и игрив,
Хвост по ветру распустив...

Одинок я - нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

1837

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда - всё молчи!..
Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;

Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

1837

Узник

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко
В пышном тереме своем;

Сосед

Кто б ни был ты, печальный мой сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет,
Тебя, товарищ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
Стеной теперь - а после тайной.

Когда зари румяный полусвет
В окно тюрьмы прощальный свой привет
Мне, умирая, посылает;
И, опершись на звучное ружье,
Наш часовой, про старое жите
Мечтая, стоя засыпает;
Тогда, чело склонив к сырой стене,
Я слушаю - и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются.
О чем они? не знаю, но тоской
Исполнены - и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льются.

И лучших лет надежды и любовь
В груди моей все оживает вновь,
И мысли далеко несутся,

И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит - и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.

1837

Кинжал

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла

В знак памяти, в минуту расставанья,

И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,

Но светлая слеза - жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный;
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

1837

* * *

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером или утра в час златой
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, -

Тогда смирятся души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога!..

1837

Молитва

Я, мать Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную,
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному

В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

1837

Дума

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее - иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.

Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властью - презренные рабы.

Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,

Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты - его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.

Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли,
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства -
Зарытый скупостью и бесполезный клад.

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;

И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.

И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

1838

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блески и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны.

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

1838

Поэт

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока:
Булат его хранит таинственный закал -
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,

Звенел в ответ речам обидным;
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Терекот отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене,
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает.

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!

Да будет он отца достоин,

Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как Божий херувим!

Пусть не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;
Пусть глядит он без упрека
На ложный блеск и ложный мира шум;

Пусть не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!

1839

Молитва

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,

И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится
Сомненье далеко -
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

1839

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незванную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

1840

1-е января

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,

Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,
Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, -
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святыя звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, - памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится - и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье

С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.
Так царства дивного всеильный господин -
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно среди морей
Цветет на влажной их пустыне.

И скучно и грустно

И скучно и грустно! - и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья... что пользы напрасно и вечно желать?
А годы проходят - все лучшие годы!
Любить... но кого же?., на время - не стоит труда,
А вечно любить невозможно...
В себя ли заглянешь? - там прошлого нет и следа.
И радость, и муки, и все там ничтожно.
Что страсти? - ведь рано иль поздно их сладкий
недуг Исчезнет при слове рассудка,
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем
вокруг, - Такая пустая и глупая шутка!

1840

Журналист, Читатель и Писатель

Les poutes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en suant leur patte.

Inedit

(Комната Писателя, опущенные шторы.

Он сидит в больших креслах перед камином;

Читатель с сигарой стоит спиной к камину, Журналист входит.)

ЖУРНАЛИСТ

Я очень рад, что вы больны.

В заботах жизни, в шуме света

Теряет скоро ум поэта

Свои божественные сны.

Среди различных впечатлений

На мелочь душу разменяв,

Он гибнет жертвой общих мнений!

Когда ему в пылу забав

Обдумать зрелое творенье?

Зато какая благодать,

Коль небо вздумает послать

Ему изгнание, заточение

Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединенье
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль...
Ну, что вы пишете? нельзя ль
Узнать?

ПИСАТЕЛЬ

Да ничего...

ЖУРНАЛИСТ

Напрасно!

ПИСАТЕЛЬ

О чем писать? - восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали, с тайною мольбою,
К N. N., неведомой красе, -

И страшно надоели все.

ЧИТАТЕЛЬ

И я скажу - нужна отвага,
Чтобы открыть, хоть ваш журнал
(Он мне уж руки обломал).
Во-первых, серая бумага!
Она, быть может, и чиста,
Да как-то страшно без перчаток!..
Читаешь - сотни опечаток!
Стихи - такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом - сказать ли по секрету?
И в рифмах часто недочет.
Возьмешь ли прозу? - перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад -
То, верно, над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?
А если и случилось им,
Так мы их слышать не хотим!

Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с пышной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

ЖУРНАЛИСТ

Я точно то же говорю;
Как вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

ЧИТАТЕЛЬ

Читал я.
Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,
Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету!
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету,
А просто грязная вода.

ЖУРНАЛИСТ

И с этим надо согласиться.
Но верьте мне, душевно рад
Я был бы вовсе не браниться -
Да как же быть?., меня бранят!
Войдите в наше положение!
Читает нас и низший круг:
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус - все так условно;
А деньги все мне платят ровно!
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги;
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги...
И все зачем? - чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..

ЧИТАТЕЛЬ

Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадетя как-нибудь
Живое, свежее творенье.
Вот, например, приятель мой:

Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотой
Он одарен всевышним Богом.

ЖУРНАЛИСТ

Все это так. -
Да вот беда:
Не пишут эти господа.

ПИСАТЕЛЬ

О чем писать? - бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердца полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна вослед другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва;
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг, нижутся слова.
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,

И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...

Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце - жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подъемлет;
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется - и язык
Лепечет громко без сознанья
Давно забытые названья;
Давно забытые черты.
В сиянье прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман -

И веришь снова им невольно,

И как-то весело и больно

Тревожить язвы старых ран. -

Тогда пишу.

Диктует совесть,

Пером сердитый водит ум:

То соблазнительная повесть

Сокрытых дел и тайных дум;

Картины хладные разврата,

Преданья глупых юных дней,

Давно без пользы и возврата

Погибших в омуте страстей,

Средь битв незримых, но упорных,

Среди обманщиц и невежд,

Среди сомнений ложно-черных

И ложно-радушных надежд,

Судья безвестный и случайный,

Не дорожа чужою тайной,

Приличьем скрашенный порок

Я смело предаю позору;

Неумолим я и жесток...

Но, право, этих горьких строк

Неприготовленному взору

Я не решуся показать...

Скажите ж мне, о чем писать?..
К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь?
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?
О нет! - преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю.

1840

Благодарность

За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей,
За жар души, растроченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне

Недолго я еще благодарил.

1840

Тучи

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

1840

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,

И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

1841

Родина

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю - за что, не знаю сам -
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее подобные морям...

Проселочным путем люблю скакать в телеге,
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

1841

Из-под таинственной, холодной полумаски
Звучал мне голос твой отрадный, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки
И улыбались лукавые уста.

Сквозь дымку легкую заметил я невольно
И девственных ланит и шеи белизну.
Счастливец! видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!..

И создал я тогда в моем воображенье
По легким признакам красавицу мою;
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.

И все мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слышал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья.

1841

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:

Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

1841

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей все, что в пустыне далекой
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растет.

1841

Утес

Ночевала тучка золотая

На груди утеса-великана,
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

1841

Листок

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот, наконец, докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветки лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,

И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных». -

«На что мне тебя? - отвечает младая чинара, -
Ты пылен и желт, - и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал - да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше, о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

1841

* * *

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,

И звезда с звездой говорит.

В небесах торжественно и чудно!

Спит земля в сиянье голубом...

Что же мне так больно и так трудно?

Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,

И не жаль мне прошлого ничуть;

Я ищу свободы и покоя!

Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...

Я б желал навеки так заснуть,

Чтоб в груди дремали жизни силы,

Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,

Про любовь мне сладкий голос пел,

Надо мной чтоб, вечно зеленея,

Темный дуб склонялся и шумел.

1841

Пророк

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все близкие мои
Бросали бешено камня.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу
Как птицы, даром Божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!

Он горд был, не ужился с нами:

Глупец, хотел уверить нас,

Что Бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:

Как он угрюм, и худ, и бледен!

Смотрите, как он наг и беден,

Как презирают все его!»

1841

Комментарии

Наполеон.

Тема Наполеона была тесно связана с темой революции и свободы. Образ Наполеона в юношеской лирике Лермонтова освещается двояко. В стихотворениях «Поле Бородина», «Два великана» Лермонтов показывает бессилие Наполеона перед русским народом, отстаивающим свою независимость. В ряде других стихотворений Лермонтов стремился объяснить причины величия и могущества Наполеона: «Наполеон (Дума)», «Эпитафия Наполеона» (1830), «Св. Елена» (1831), «Воздушный корабль» (1840), «Последнее новоселье» (1841).

Жалобы турка.

В стихотворении Лермонтов продолжал традиции поэтов-декабристов. Прием замены России какой-либо другой страной традиционен в свободолюбивой лирике того времени (Рылеев - «К временщику», Пушкин - «К Лицинию», Полежаев - «Песнь пленного ирокезца»).

Монолог.

В этом стихотворении поставлена одна из главных тем Лермонтова - вопрос о трагической судьбе русских передовых людей в годы николаевского царствования.

(Предсказание).

Стихотворение написано под впечатлением крестьянских восстаний в России, усилившихся в 1830 г. в связи с эпидемией холеры. Поэт признает за народом право на восстание, вместе с тем изображает его мрачными красками. Выражение «черный год» - широко распространенное в литературе XVIII-XIX вв. обозначение «пугачевщины». В автографе - приписка: «(Это мечта)».

Новгород.

В автографе дата 3 октября 1830 г. Стихотворение не закончено и зачеркнуто. «Бедный град», о котором говорится в предпоследней строке, - это, очевидно, Новгород, бывший некогда вольным городом. Начальное обращение («Сыны снегов, сыны славян») относится скорее всего к декабристам. Тиран - Николай I.

1831-го июня 11 дня.

Это одно из центральных стихотворений в юношеской лирике Лермонтова. По некоторым признакам можно считать, что в восьмой строфе речь идет о

Н. Ф. Ивановой, которой посвящены многие стихи 1831 г. Строфы первая, вторая и пятая процитированы в трагедии «Странный человек» как стихотворение Владимира Арбенина.

Мой демон.

Является переработкой и развитием другого стихотворения «Мой демон», написанного в 1829 г. Несомненна связь этого стихотворения с «Демоном» Пушкина (1823), которое впервые появилось в печати тоже под заглавием «Мой демон».

Парус.

Это одно из первых петербургских стихотворений Лермонтова. Посылая его в письме к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 г., Лермонтов писал ей: «Вот еще стихи, которые сочинил я на берегу моря». В печати стихотворение впервые появилось в 1841 г., уже после смерти Лермонтова.

Бородино.

Стихотворение напечатано в 1837 г. в журнале А. С. Пушкина «Современник», возникло, вероятно, не без связи с полемикой вокруг стихотворения Пушкина «Полководец» (1836) и написанного им «Объяснения». Своеобразие позиции Лермонтова в том, что он, минуя вопрос о заслугах того или другого полководца, дает картину Бородинского сражения и сдачи Москвы с точки зрения солдата как представителя народа, победившего Наполеона. Многозначительным является в «Бородине» и противопоставление двух поколений: людей 30-х гг. и людей 1812 г., то есть декабристского поколения («Да, были люди в наше время»). Перерабатывая свое раннее стихотворение 1830 г. «Поле Бородина», Лермонтов дал замечательный образец своеобразной речи бывалого солдата. Белинский писал: «В каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть

грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии... Ровность и выдержанность тона делают осязаемо ощутительную основную мысль поэта».

Смерть поэта.

Стихотворение (до стиха «А вы, надменные потомки») написано, как только разнеслась весть о том, что Пушкин смертельно ранен на дуэли Дантесом. В этом своем первоначальном виде стихотворение в списках быстро разошлось по городу. В распространении стихов деятельное участие принимал друг Лермонтова Святослав Раевский. После похорон Пушкина Лермонтов написал заключительные 16 строк. Эпиграф к «Смерти поэта» взят из трагедии французского драматурга Ротру (1609 - 1650) «Венцеслав», переведенной на русский язык А. А. Жандром, другом А. С. Грибоедова. Еще до появления заключительных строк шеф жандармов Бенкендорф доложил Николаю I о «непозволительных стихах корнета Лермонтова»; Николай получил их по почте с надписью: «Воззвание к революции». 21 февраля Лермонтов и Раевский были арестованы. 25 февраля Лермонтов по Высочайшему повелению был переведен в Нижегородский драгунский полк, т. е. отправлен на Кавказ, в военную часть, действовавшую против горцев, а Раевский - в Олонецкую губернию, «для употребления на службу, по усмотрению тамошнего гражданского губернатора». Стихотворение впервые напечатано в «Полярной звезде» (1856) А. Герцена и Н. Огарева, выходившей в Лондоне. В России напечатано впервые (не полностью) в 1858 г.

Узник.

Написано Лермонтовым во время пребывания под арестом за стихотворение на смерть Пушкина (февраль 1837). Его родственник и близкий друг А. П. Шан-Гирей вспоминает, при каких обстоятельствах был написан «Узник»: «Под арестом к Мишелю пускали только его камердинера, приносившего обед; Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько пьес, а именно: «Когда волнуется желтеющая нива», «Я, мать Божия, ныне с молитвою»,

«Кто б ни был ты, печальный мой сосед», и переделал старую пьесу «Отворите мне темницу». Стихотворение 1832 г. «Желание» («Отворите мне темницу...») действительно послужило Лермонтову материалом для «Узника», но было при этом коренным образом переработано.

Сосед.

Написано в феврале 1837 г., когда Лермонтов был под арестом. Белинский восхищался музыкальностью этого стихотворения: «Здесь поэзия становится музыкой, здесь обстоятельство является только поводом к звукам, намеком на их таинственное значение...»

Кинжал.

Первая строфа по своему построению напоминает начальные строки стихотворения Пушкина «Кинжал» (1821).

Поэт.

Стихотворение представляет собой намеренное и сознательное возвращение к темам и образам декабристской поэзии. Об этом ясно говорит и общий смысл поставленного вопроса о роли поэта в обществе, и упоминание вечерового колокола - символа древнерусской свободы в представлении декабристов, - и утверждение необходимости участия поэта в общественной борьбе.

«Ребенка милого рожденье...»

Стихотворение послано в письме к другу и родственнику Лермонтова, Алексею Александровичу Лопухину после рождения у него сына. В этом

письме говорилось: «Я был болен и оттого долго те-бе не отвечал и не поздравлял тебя, но верь мне, что я искренно радуюсь твоему счастью и поздравляю тебя и милую твою жену... Кстати о стихах: я исполнил обещание и написал их твоему наследнику, они самые нравоучительные».

«Как часто, пестрою толпою окружен...»

В сборнике «Стихотворения М. Лермонтова» (1840) перед стихотворением авторская дата - «1-е января» и после- «1840». Это авторское приурочивание позволяет считать, что Лермонтов намеренно связывал свое стихотворение с маскарадным балом в Благородном собрании под Новый, 1840 год. На этом балу Лермонтова видел И. С. Тургенев.

Журналист, Читатель и Писатель.

Перевод эпиграфа: «Поэты подобны медведям, которые кормятся тем, что сосут свою лапу. Неизданное». Стихотворение написано во время пребывания под арестом за дуэль с де Барантом. По своему замыслу и содержанию стихотворение это напоминает пушкинский «Разговор Книгопродавца с Поэтом». Находясь в заключении, Лермонтов ожидал в самое ближайшее время выхода в свет первого отдельного издания «Героя нашего времени». По-видимому, стихотворение «Журналист, Читатель и Писатель» должно было явиться своеобразной декларацией поэта, разъяснением его отношения к журнальной полемике 1839-1840 гг., в которой он не принимал никакого участия. В словах Читателя дана обобщенная ироническая характеристика критиков реакционных журналов - таких, как «Сын Отечества» или «Библиотека для чтения». Такие критики, как Булгарин - издатель газеты «Северная пчела», - в своих очерках и рассказах высмеивали («бранили», как о нем говорит Читатель) мелких чиновников; другие, как Николай Полевой, вместо серьезной и принципиальной полемики с литературными противниками занимались ловлей опечаток и высмеиванием виньеток в их книгах. Облик Журналиста, каким он представлен у Лермонтова, очень сходен с литературно-общественным обликом Николая Полевого в 1838-1839 гг. Когда-то передовой журналист, редактор либерального «Московского телеграфа», в

конце 30-х гг. Полевой стал беспринципным и казенно-реакционным критиком.

Тучи.

В сборнике 1840 г. «Стихотворения М. Лермонтова» напечатано с датой: «Апрель 1840». По воспоминаниям современников, стихотворение было написано Лермонтовым в день отъезда из Петербурга на Кавказ во вторую ссылку, в апреле 1840 года, у Карамзиных, где собрались друзья и приятели, чтобы проститься перед разлукой.

«Прощай, немытая Россия...»

Написано, очевидно, перед отъездом во вторую ссылку на Кавказ - весной 1841 года. Стихотворение, свидетельствующее о чрезвычайно последовательном отрицательном отношении Лермонтова к полицейскому режиму Николая I. Ввиду своей смелости и политической остроты стихотворение впервые могло быть напечатано в России только в 1887г.

Родина.

В автографе названо «Отчизна». Это первоначальное название связывают с тем, что лермонтовское стихотворение полемически направлено против поэта-славянофила А. С. Хомякова, напечатавшего в 1839 г. стихотворение «Отчизна». Хомяков в своем стихотворении видит истинное величие России в «смирении» русского народа, в его верности православной религии. Стихотворение Лермонтова противостоит этой позиции. Белинский писал В. Боткину 13 марта

1841 г.: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его «Родина» - то, аллах-керим, - что за вещь - пушкинская, то есть одна из лучших

пушкинских». Белинский имеет в виду прежде всего сходство между второй половиной лермонтовского стихотворения и XVI строфой «Путешествия Онегина».

Теперь мила мне балалайка,
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака;
Мой идеал теперь - хозяйка,
Мои желания - покой,
Да шей горшок, да сам большой.

Для Лермонтова Родина - только в жизни народа, в его простом быту, в его горестях и радостях. Стихотворение «Родина» - это прямое выражение демократических симпатий Лермонтова.

«На севере диком стоит одиноко...».

Стихотворение является переводом стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam», из отдела «Лирическое интермеццо» «Книги песен». Первоначальная редакция перевода ближе к подлиннику и значительно отличается от окончательного текста:

На хладной и голой вершине
Стоит одиноко сосна.
И дремлет... под снегом сыпучим,
Качался, дремлет она.
Ей снится прекрасная пальма
В далекой восточной земле,

Растущая тихо и грустно

На жаркой песчаной скале.

В своем переводе Лермонтов допустил одно очень существенное отступление от смысла оригинала. У

Гейне «он» (ein Fichtenbaum) и «она» (eine Palme), тогда как у Лермонтова оба «персонажа» стихотворения оказываются одного грамматического рода - женского. Вследствие этого стихотворение приобрело более общий смысл, чем в оригинале. Вместо мотива любовного томления появляется мотив человеческой разобщенности и вечного одиночества.

Листок.

Мотив листка, оторвавшегося и гонимого бурей, очень распространен был в европейской и русской поэзии 1810-1830-х гг. Первую поэтическую обработку этого мотива сделал французский поэт Арно (1766-1834) в стихотворении «LaFeuille» («Листок»). Пушкин писал в 1835 г. об Арно: «Всемирно известен его «Листок»: «De ta tige detachee». Участь этого маленького стихотворения замечательна. Костюшко перед своей смертью повторил его на берегу Женевского озера. Александр Ипсиланти перевел его на греческий язык, у нас его перевели Жуковский и Давыдов...» Стихотворение Лермонтова восходит к переводу Жуковского. Но Лермонтов ввел новый мотив, отсутствующий у его предшественников, - разговор листка с чинарой и ее отказ дать ему пристанище. Для Лермонтова, следовательно, как и для Пушкина, образ оторванного листка являлся как бы символом судьбы изгнанника.

Пророк.

Это стихотворение - пример частого в лирике Лермонтова возвращения к темам и образам Пушкина. «Пророк» Лермонтова является как бы дополнением и развитием «Пророка» Пушкина. Пушкин в своем «Пророке»

утверждает великое общественное значение поэзии, видит в ней могучее средство воздействия на умы и сердца людей. Лермонтов сопоставил своего поэта-пророка с современным обществом и показал, какая судьба ждет поэта, посмевшего выступить с критикой общественной лжи и несправедливости.

Краткая хроника жизни и творчества М. Ю. Лермонтова

1814, 3 октября

Родился в семье капитана Юрия Петровича Лермонтова и его жены Марии Михайловны (урожденной Арсеньевой) в Москве.

1817

Смерть матери; Лермонтов остается на попечении бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой и живет в ее имении Тарханы Пензенской губернии, где получает хорошее домашнее образование.

1827

Переезд в Москву; подготовка к поступлению в Благородный пансион Московского университета.

1828

Зачислен в четвертый класс Благородного пансиона.

сентябрь

Начал писать стихи (несколько стихотворений, поэмы «Корсар» и «Кавказский пленник»).

1830, 16 апреля

Окончание Благородного пансиона.

осень

Поступление в Московский университет, но занятия начались лишь в начале 1831 г. из-за эпидемии холеры.

1831

Первая публикация в печати (стихотворение «Весна».)- Смерть отца.

1832

Покидает Московский университет по собственному прошению с желанием поступить в императорский Санкт-Петербургский университет.

осень

После серьезных размышлений и сомнений принимает решение поступить на военную службу; зачислен в Школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге.

1834

По окончании Школы произведен в корнеты лейб-гвардии гусарского полка.

1832-1834

Созданы поэмы «Моряк», «Хаджи-Абрек», «Казначейша».

1835

Создание первой и второй редакций «Маскарада».

декабрь -1836, весна

Отпуск в Тарханах, во время которого были написаны драма «Два брата» и новая редакция «Маскарада» («Арбенин»).

1836

Запрещение цензурой «Маскарада», начало работы над романом «Княгиня Лиговская».

1837, февраль

Дуэль и смерть А. С. Пушкина, создание стихотворения «Смерть поэта», что привело к аресту и переводу Лермонтова прапорщиком в Нижегородский драгунский полк.

19 марта

Отъезд на Кавказ.

1 ноября

Благодаря хлопотам бабушки переведен в Гродненский гусарский полк, расположенный между Петербургом и Новгородом.

1838, весна

Переведен в лейб-гвардию гусарского полка под Царское Село.

1839

Появляются в печати лирические («Дума», «Поэт», «Ветка Палестины», «Узник», «Не верь себе» и др.) и прозаические («Бэла», «Фаталист») произведения.

1839-1840

Ссора и дуэль с сыном французского посланника де Барантом, что привело к аресту и переводу в Тенгинский пехотный полк на Кавказ.

1840

Увидели свет стихотворения «Как часто, пестрою толпою окружен...», «И скучно и грустно», «Дары Терека» и др., а также повесть «Тамань» и вслед за ней весь роман «Герой нашего времени»; во время ареста написано стихотворение «Журналист, Читатель и Писатель».

Участие в военных действиях на Кавказе, в частности в бою при реке Валерик, что отразилось в стихотворении «Валерик».

1841, январь

Приезд в Москву, затем в Петербург во время двухмесячного отпуска, просьба об отставке.

март

Возвращение на Кавказ; болезнь останавливает Лермонтова в Пятигорске, где он встречается с давним приятелем по Школе гвардейских прапорщиков Николаем Соломоновичем Мартыновым, после ссоры с которым последовал вызов на дуэль.

15 июля

Дуэль с Мартыновым, окончившаяся гибелью Лермонтова.

1842

Прах поэта перевезен в Тарханы, где похоронен в фамильной часовне Арсеньевых.

Своеобразие творческого пути поэта

Лирическое мышление Лермонтова формировалось в сложный для России исторический период. Это было время жестокой правительственной реакции, охватившей страну после восстания декабристов. Менялось общественное сознание дворянской интеллигенции, которой необходимо было существовать в мире, лишенном духовной и политической свободы. Александр Герцен так охарактеризовал эту эпоху: «Надо было с детства приспособиться к этому резкому и непрерывному ветру, сжиться с неразрешимыми сомнениями, с глубочайшими истинами, с собственной слабостью, с каждодневными оскорблениями, надо было с самого нежного детства приобрести привычку скрывать все, что волнует душу, и не только ничего не терять из того, что в ней схоронил, а напротив, - давать вызреть в безмолвном гневе всему, что ложилось на сердце. Надо было уметь ненавидеть из любви, презирать из гуманности, надо было обладать безграничной гордостью, чтобы с кандалами на руках и ногах высоко держать голову».

Исследуя поэтическое творчество Лермонтова, В. Г. Белинский писал, что в нем «выразился исторический момент русского общества». Критик раскрывал своеобразие лермонтовской лирики, подчеркивал, что ее пафос «заключается в нравственных вопросах о судьбе и правах человеческой личности».

Безграничные права личности определяли для поэта моральные законы общества, и если общественные устои не соответствовали этим нормам, то это вызывало у Лермонтова поэтический протест. Выбирая сопротивление действительности как форму существования, поэт видит мир в мрачном свете.

Поскольку творчество Лермонтова определяет собой послепушкинский этап развития русской поэзии, то обычно отмечают, что на смену пушкинским светлым, стремящимся к гармонии строкам приходит трагическая лира Лермонтова. Также подчеркивается стремление Пушкина передать объективные законы жизни в отличие от тяготения к субъективности мироощущения у Лермонтова. Говоря словами Белинского, лирика

Лермонтова «вышла из глубины оскорбленного духа; это вопль, это стон человека». Эта сторона творчества поэта сближает его с Гоголем. Субъективное мироощущение выразилось у Лермонтова в предельно полном раскрытии души человека, а у Гоголя в сатирическом изображении действительности.

Своеобразие лирического мышления требует индивидуальных поэтических форм и художественных средств. Отход от устоявшихся жанров - следствие пушкинской традиции. Лермонтов создает философские думы и поэтические новеллы. В отличие от исторических дум К. Ф. Рыльева и политических Н. А. Некрасова произведения Лермонтова («Дума», «Поэт», «Кинжал», «Родина» и др.) представляют собой философские размышления. Лирические новеллы - это стихотворения с отчетливым обобщающим суждением («Три пальмы», «Дары Терека», «Пленный рыцарь» и др.).

Среди особенностей лермонтовской поэтической речи выделяется стремление к философской афористичности, что подчеркивает субъективность мысли («Нет, я не Байрон...», «Парус», «Утес», «Пророк»). «Как у Пушкина грация и задушевность, так у Лермонтова живая

и острая сила составляют преобладающее свойство стиха», - писал Белинский.

Сближение языка лирических стихотворений с обыденной речью подчеркивает, что со стороны языка творчество Лермонтова тяготеет к пушкинским традициям («Бородино», «Нет, не тебя так пылко я люблю...»).

В творчестве Лермонтова традиционно выделяют три этапа. Первый - период ученичества (1828-1832). Лирика этих лет обнаруживает отвлеченность юношеского мышления. В поэтических произведениях ощущается влияние Байрона, Жуковского, Пушкина. Лирический герой несет в себе биографические черты автора. Переживания героя лишены полутонов, гиперболизированы, что подчеркивает романтическую суть лирики этого периода.

Второй этап - период становления поэта, обретение собственного «я» (1833-1836). Осложняется авторский взгляд на происходящее, расширяется палитра эмоционального настроения лирических произведений. Поэт стремится уйти от тождественности своего восприятия и чувств лирического героя. Лирика носит романтический характер, хотя видны реалистические элементы в таких произведениях, как «Новгород», «Жалобы турка», «10 июля 1830».

Третий этап - период зрелой лирики (1837 - 1841), время высшего расцвета творчества Лермонтова. Поэтические образы приобретают символическую обобщенность. Поиск единения, душевного слияния со всей вселенной - в этом видна устремленность лирического героя. Его не удовлетворяют мимолетная любовь, участие друзей, красота природы. Усиление мотива отрицания до вселенских масштабов не удаляет лирического героя от земных реалий. Он становится ближе к людям, к естественным человеческим проявлениям. Разительно меняется общий тон лирики в этот период: уходит бурная эмоциональность, в лирическую речь входит повествовательность. Этот этап ознаменован переходом к реалистическому письму («Журналист, Читатель и Писатель»).

Однако Лермонтов никогда не оставлял романтических традиций, поскольку тема личности всегда оставалась в центре внимания Лермонтова. «Так, в сложном переплетении романтического и реалистического изображения - при общем со всей передовой литературой движении к реализму - в различных литературных родах и многообразных жанровых формах, всей целостностью структуры произведений осуществлялись Лермонтовым страстные поэтические поиски решения нравственных вопросов о судьбах и правах человеческой личности и через них - о судьбах народа, нации, человечества» (У. Р. Фохт).

Основные темы и мотивы лирики Лермонтова

Лирика занимает ведущее место в творчестве М. Ю. Лермонтова. Его поэмы, драматургические произведения и проза тоже проникнуты лиризмом. Поэтому понимание лирических творений поэта - это залог осознания всего его творческого мира.

Лирике Лермонтова свойственно разнообразие тем и мотивов. Среди отличительных черт тематической направленности его произведений отмечено, что в зрелом творчестве поэт нередко возвращается к темам и мотивам ранней лирики.

Лирический герой высказывает резкое отрицание существующей действительности. В ранней лирике это отрицание направлено ко всему человечеству, а в зрелом творчестве оно приобретает конкретное звучание («Жалобы турка», 1829; «Умиравший гладиатор», 1835; «Прощай, немытая Россия...», 1840).

Тема отрицания находит широкое воплощение в сильном поэтическом символе - образе маски. Внешне благополучная жизнь современного общества трансформируется в лирике поэта в бездуховность, маскарадность света («Исповедь», 1831; «Как часто, пестрою толпою окружен...», 1840; «Из-под таинственной, холодной полумаски...», 1841).

Равнодушие толпы рождает ответную реакцию у лирического героя - он тоже вынужден скрывать свои чувства, стремления, помыслы. Так появляется тема гордого одиночества, непонятости («Одиночество», 1830; «Исповедь», 1831; «Чаша жизни», 1831; «Парус», 1832; «Узник», 1837; «Никто моим словам не внимлет... я один...», 1837; «Сосед», 1837; «Соседка», 1837; «Пленный рыцарь», 1840).

Тема одиночества расширяется и дополняется мотивами усталости и безысходности («И скучно и грустно», 1840; «Из Гёте» («Горные вершины...»), 1840; «Выхожу один я на дорогу...», 1841).

Мысли поэта о современном ему обществе преломляются в теме судьбы молодого поколения («Монолог», 1829; «Дума», 1838).

Отражая в лирике проблемы общественной жизни, поэт задумывается о будущем своей родины. В поэзии Лермонтова возникает образ родины, в поисках идеала поэт углубляется в историческое прошлое России, обращается к жизни простых людей («Новгород», 1830; «Поле Бородина», 1831; «Бородино», 1837; «Родина», 1841).

Тема родины неразрывно связана с мотивами, рождающими в воображении картины родной природы. Пейзажная лирика Лермонтова наполнена одухотворенной красотой, которая является источником духовных сил. Исходя из особенностей мировоззрения поэта, в природе отражаются трагические моменты жизни, изменения человеческой души («Кавказ», 1830; «Вечер после дождя», 1830; «Когда волнуется желтеющая нива...», 1837; «Дары Терека», 1839; «Тучи», 1840; «На севере диком стоит одиноко...», 1841; «Утес», 1841).

Поиски гармонии, духовной близости и понимания нашли свое отражение в теме любви и дружбы. Лермонтовской лирике свойственна передача глубокого и емкого понятия любви. Лирический герой испытывает страсть и страдания, которые сопровождают чувство любви («К друзьям», 1828; «Ужасная судьба отца и сына...», 1831; «Я не люблю тебя ; страстей...», 1831; «Подражания Байрону», 1831; «Памяти А. И. Одоевского», 1839; «<М. А. Щербато-вой>», 1840; «А. И. Смирновой», 1840; «Нет, не тебя так пылко я люблю...», 1841).

Проблема личности является для Лермонтова определяющей. Она находит отражение в теме самопознания, которая приобретает вселенские масштабы. Личность воспринимается как центр всего сущего, именно поэтому в лирике возникают космические мотивы, мотивы противоборства земных и небесных сил, олицетворяющих борьбу добра и зла как внутри человека, так и вовне его («Мой демон», 1829, 1831; «Молитва» («Не обвиняй меня, Всесильный...»), 1829; «Небо и звезды», 1831; «Земля и небо», 1831; «Когда б в покорности незнания...», 1831; «Ангел», 1831; «Мой дом», 1831; «Бой», 1832).

Не покидает Лермонтова мысль об особой роли творческой и исторической личности. Так возникает тема избранности, мотив внутреннего родства с трагическими судьбами Байрона и Наполеона («Наполеон», 1829; «1830. Мая 16 числа»; «Отрывок» («Три ночи я провел без сна - в тоске...»), 1831; «Св. Елена», 1831; «Нет, я не Байрон; я другой...», 1832; «Воздушный корабль», 1840; «Последнее новоселье», 1841; «Пророк», 1841).

Особое место в творчестве любого поэта занимает тема назначения поэта и судьбы его творений. Судьба одаренной личности в несовершенном обществе, ее взаимоотношения с окружающими, роль поэзии как особого рода оружия в борьбе за высокие идеалы - мотивы, звучащие в лермонтовских произведениях («Я жить хочу! Хочу печали...», 1832; «Смерть поэта», 1837; «Кинжал», 1837; «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...»), 1837; «Журналист, Читатель и Писатель», 1840; «Пророк», 1841).

Анализ стихотворений

«

И скучно и грустно»

Стихотворение создано в 1840 г. В нем звучит мотив безысходности, входящий в тему одиночества. Лермонтов создал в своем творчестве своеобразную концепцию одиночества. В романтической поэзии лирический герой противопоставлял себя обществу. Со временем его позиция меняется: изгнанничество становится единственно возможной формой существования в бездушном мире.

Элегия «И скучно и грустно» - это внутренний монолог, исповедь лирического героя, наполненная грустными раздумьями о жизни.

Герой находится в состоянии рефлексии, то есть пытается понять свое внутреннее душевное состояние, его размышления полны противоречий и сомнений. Этому состоянию подчинена композиция произведения.

Элегия представляет собой трехчастную структурную композицию: вступление, основная часть, заключение. Вступление (первые две строки) определяет внутреннее состояние героя. Основная часть делится на двустихия, каждое из которых представляет собой завершённое по смыслу и интонации суждение: «желанья... что пользы... желать?»; «любить- но кого же?»; «что страсти?.., их сладкий недуг исчезнет». Вывод заключен в последнем двустихии: «И жизнь... такая пустая и глупая штука!»

Лаконичность и отчасти афористичность строения фраз подчеркивают стремление героя подчинить свои чувства логичности, строгому рассудку. Однако прерывистость речи (многоточие, тире), насыщенность вопросительными и восклицательными предложениями, словесные повторы создают впечатление взволнованности лирического героя. Драматизм его состояния усиливается контрастами: «на время - вечно», «и радость, и муки», «рано иль поздно».

Трудно переоценить те проникновенные слова Белинского, которые обращены к этим страстным поэтическим строкам: «Страшен этот глухой, могильный голос подземного страдания, нездешней муки, этот потрясающий душу реквием всех надежд, всех чувств человеческих, всех обаяний жизни! От него содрогается человеческая природа, стынет кровь в жилах, и прежний светлый образ жизни представляется отвратительным скелетом, который душит нас в своих костяных объятиях, улыбается своими костяными челюстями и прижимается к устам нашим! Это не минута духовной дисгармонии, сердечного отчаяния: это - похоронная песня всей жизни! Кому не знакомо по опыту состояние духа, выраженное в ней, в чьей натуре не скрывается возможность ее страшных диссонансов, - те, конечно, увидят в ней не больше, как маленькую пьеску грустного содержания, и будут правы; но тот, кто не раз слышал внутри себя этот могильный напев, а в ней увидел только художественное выражение давно знакомого ему ужасного чувства, тот припишет ей слишком глубокое значение, слишком высокую цену, даст ей почетное место между величайшими созданиями поэзии, которые когда-либо, подобно светочам Эвменид, освещали бездонные пропасти человеческого духа... И какая простота в выражении, какая естественность, свобода в стихе! Так и чувствуешь, что вся пьеса мгновенно излилась на бумагу сама собой, как поток слез, давно уже накипевших, как струя горячей крови из раны, с которой вдруг сорвана перевязка...»

«Журналист, Читатель и Писатель»

Стихотворение написано весной 1840 г., когда Лермонтов находился под арестом за дуэль с де Барантом.

В этом произведении Лермонтов выступает не только как поэт, но как критик и полемист, высказываясь по поводу состояния дел в современной литературе. Стихотворение можно отнести к теме судьбы поэта и его поэзии. Белинский писал, что «Журналист, Читатель и Писатель» «напоминает и идею, и форму, и художественным достоинством «Разговор Книгопродавца с Поэтом» Пушкина».

Следует отметить, что язык лермонтовского произведения можно отнести к достижениям реализма в его творчестве. Простота разговорной речи, легкость и лаконичность фраз уже Белинским была определена как «верх совершенства».

Композиционно стихотворение состоит из двух частей. Первая часть представляет собой критический взгляд на современную словесность.

Читатель вступает в резкий спор с Журналистом, в чьих словах выражена позиция современных литераторов. Читатель негодует против романтической пошлости, которой наполнены страницы журналов:

Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Так, в произведении возникает тема бесплодности, отсутствия истинной литературы, отражающей жизнь.

Поддерживая позицию Читателя, Писатель говорит о том, что романтизм себя исчерпал:

О чем писать? Восток и юг

Давно описаны, воспеты;

Толпу ругали все поэты,

Хвалили все семейный круг;

Все в небеса неслись душою,

Взывали с тайною мольбою

К N.N., неведомой красе, -

И страшно надоели все.

Эти слова нельзя понимать как отказ от творческой деятельности; они должны восприниматься как стремление к поиску нового в литературе.

Сходные мнения были высказаны в 20-30-е гг. XIX в. и другими писателями, поэтами, критиками. Например, А. Бестужев писал: «У нас есть критика и нет литературы». А. Пушкин сделал наброски статьи со значимым названием «О ничтожности литературы русской». В. Белинский в «Литературных мечтаниях» утверждал: «У нас нет литературы». Этим же смыслом наполнены слова Читателя о «Руси бесплодной» и риторический вопрос Писателя: «О чем писать? »

Вторая часть стихотворения - монолог Писателя. В нем высказаны два варианта творчества. В первом случае,

Когда и ум, и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.

В результате к поэту приходит удовлетворенность плодами своего труда:

Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.

По-иному строится творческий процесс, когда литератору

...Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум...

И тогда писатель с гневом и презрением изображает «картины хладные разврата», не видя добродетели в людях.

Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...

Ю. М. Лотман отмечает, «что вопрос о праве литературы на обличение общественных пороков, о природе зла и законов его изображения в литературе в конце 1830-х - начале 1840-х гг. стоял очень остро». В этот период Лермонтова занимает изображение света как маскарадного бала, средоточения зла. Поскольку в творчестве поэта происходит движение в направлении романтизма, то он ищет формы ухода от субъективно-го видения к объективному. Именно в этом причина сомнений Писателя. С одной стороны, он не желает показывать горькие строки правды «неприготовленному взору»,

Чтоб тайный яд страницы знойной

Смутил ребенка сон покойный

И сердце слабое увлек

В свой необузданный поток.

С другой стороны, в начале монолога рисуется идиллическая картина, где поэт силой своего слова меняет мир, который

...

Мечтою благородной

Пред ним очищен и обмыт.

Как отмечает Лотман, «критицизм и утопизм не исключали, а взаимно подразумевали друг друга, и связь и обоюдное усиление этих двух, казалось бы, противоположных тенденций составляет характерную черту русского реализма». Русские писатели, по мнению исследователя, «не отрицали ни страшного лица современности, ни необходимости правдивого его изображения в искусстве, но требовали лишь, чтобы этот мир был «очищен и обмыт» утопической «мечтою благородной».

Трагедия Писателя в лермонтовском произведении заключена в том, что, желая создать в будущем гармонию мира, в настоящем он сталкивается с жестокостью и непониманием. Это приводит к мысли о ненужности его творчества современникам:

...

Эти странные творенья

Читает дома он один,

И ими после без зазренья

Он затопляет свой камин.

Значение стихотворения, его глубинный смысл, его идея выражены в словах Ю. М. Лотмана: «Своими стихами Лермонтов предвосхитил трагедию Гоголя, включая и роковое упоминание камина, в котором поэт жжет свои рукописи. Но значение лермонтовской декларации еще шире: она стоит у истоков традиции, типологически характерной именно для русской литературы, - предъявлять искусству высочайшие требования, в том числе и такие, которые средствами искусства в принципе удовлетворены быть не могут, - требования непосредственного преобразования жизни. И, разочаровавшись, - вообще отказываться от искусства, как язычник отворачивается от обманувшего его бога.

Достаточно назвать имена Гоголя и Толстого, чтобы увидеть, как глубоко заглянул Лермонтов в будущее русской литературы».

Интересна полемика литературоведов о том, в чьих словах выражена позиция Лермонтова.

Б. М. Эйхенбаум отмечает, «что в лице читателя Лермонтов изобразил себя и свою позицию, а в лице писателя - Хомякова - представителя нового литературного движения. В таком случае речь писателя нельзя понимать как

«исповедь» Лермонтова. В самом деле: трижды повторенный меланхолический вопрос писателя «О чем писать?» трудно приписать Лермонтову, выпускавшему в это время свой роман и печатающему много стихотворений... все эти соображения и факты заставляют прийти к выводу, что «Журналист, Читатель и Писатель» - ироническое стихотворение и что эпитафия надо понимать как суждение самого Лермонтова, обращенное против современной профессиональной (интеллигентской) литературы. Он выступает под псевдонимом «Читателя» именно потому, что не считает и не хочет считать себя профессиональным литератором. Ирония здесь, как всегда у Лермонтова, имеет не просто сатирический, а трагический характер».

Иную точку зрения высказывает Ю. М. Лотман. «Безусловное противопоставление Читателя и Писателя и следующее из него исключение слов Писателя из круга авторских размышлений противоречат непосредственному читательскому чувству: речи Писателя звучат таким искренним лермонтовским пафосом, что традиционно воспринимаются читателями не в ироническом ключе... Кроме того, нельзя не заметить, что позиция Читателя чисто негативна: он отвергает определенные явления современной литературы, но ничего не говорит о возможных путях будущего развития. Это и естественно: Читатель - светский человек, наделенный вкусом и здравым смыслом, далекий от профессиональной литературы... Но мы располагаем сведениями, что именно в эту пору Лермонтов все больше чувствовал себя связанным с литературой, беседовал с Краевским об основании журнала и собирался, добившись отставки, сделаться профессиональным литератором. Можно предположить, что и Читатель, и Писатель выражают разные аспекты жизненной и литературной позиции Лермонтова на перепутье весны 1840 г.».

Позиция Лотмана представляется более аргументированной и весомой.

Лирика Лермонтова в оценке критиков, философов и религиозных мыслителей

В.Г.Белинский

...В первых своих лирических произведениях Пушкин явился провозвестником человечности, пророком высоких идей общественных; но эти лирические стихотворения были столько же полны светлых надежд, предчувствия торжества, сколько силы и энергии. В первых лирических произведениях Лермонтова, разумеется, тех, в которых он является русским и современным поэтом, также виден избыток несокрушимой силы духа и богатырской силы в выражении; но в них уже нет надежды, они поражают душу читателя безрадостностью, безверием в жизнь и чувства человеческие, при жажде жизни и избытке чувства... Нигде нет пушкинского разгула на пиру жизни; но везде вопросы, которые мрачат душу, леденят сердце... Да, очевидно, что Лермонтов - поэт совсем другой эпохи, и что его поэзия - совсем новое звено в цепи исторического развития нашего общества...

В таланте великом избыток внутреннего, субъективного элемента есть признак гуманности. Не бойтесь этого направления: оно не обманет вас, не введет вас в заблуждение. Великий поэт, говоря о себе самом, о своем я, говорит об общем - о человечестве, ибо в его натуре лежит все, чем живет человечество. И потому в его грусти всякий узнает свою грусть, в его душе всякий узнает свою и видит в нем не только поэта, но и человека, брата своего по человечеству. Признавая его существом несравненно высшим себя, всякий в то же время сознает его родство с ним.

Вот что заставило нас обратить особенное внимание на субъективные стихотворения Лермонтова и даже порадоваться, что их больше, чем чисто художественных. По этому признаку мы узнаем в нем поэта русского, народного, в высшем и благороднейшем значении этого слова, - поэта, в котором выразился исторический момент русского общества...

Бросая общий взгляд на стихотворения Лермонтова, мы видим в них все силы, все элементы, из которых слагается жизнь и поэзия. В этой глубокой натуре, в этом мощном духе все живет; им все доступно, все понятно; они на все откликаются. Он всевластный обладатель царства явлений жизни, он воспроизводит их как истинный художник; он поэт русский в душе - в нем живет прошлое и настоящее русской жизни; он глубоко знаком и с внутренним миром души. Несокрушимая сила и мощь духа, смирение жалоб, елеинное благоухание молитвы, пламенное, бурное одушевление, тихая

грусть, кроткая задумчивость, вопли гордого страдания, стоны отчаяния, таинственная нежность чувства, неукротимые порывы дерзких желаний, целомудренная чистота, недуги современного общества, картины мировой жизни, хмельные обаяния страсти и тихие слезы, как звук за звуком, льющиеся в полноте умиренного бурею жизни сердца, упоения любви, трепет разлуки, радость свидания, чувство матери, презрение к прозе жизни, безумная жажда восторгов, полнота упивающегося роскошью бытия духа, пламенная вера, мука душевной пустоты, стон отвращающегося самого себя чувства замершей жизни, яд отрицания, холод сомнения, борьба полноты чувства с разрушающею силою рефлексии, падший дух неба, гордый демон и невинный младенец, буйная вакханка и чистая дева - все, все в поэзии Лермонтова: и небо и земля, и рай и ад... По глубине мысли, роскоши поэтических образов, увлекательной неотразимой силе поэтического обаяния, полноте жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненным фонтаном, его создания напоминают собою создания великих поэтов. Его поприще еще только начато, и уже как много им сделано, какое неисчислимое богатство элементов обнаружено им: чего же должно ожидать от него в будущем?.. Пока еще не назовем его ни Байроном, ни Гёте, ни Пушкиным, и не скажем, чтоб из него со временем вышел Байрон, Гёте или Пушкин: ибо мы убеждены, что из него выйдет ни тот, ни другой, ни третий, а выйдет - Лермонтов...

1841 г.

(Из статьи «Стихотворения М. Лермонтова»)

А. В. Никитенко

У нас нет поэзии: истина грустная и всем известная... Отчего же нет ее? - Вопрос этот уже почти решен большинством голосов: наш век осужден жить и умереть без поэзии; это век положительный, век материальных стремлений комфорта и паровых машин, век спекуляций и денежных расчетов...

Аналитическое, положительное или, если вам угодно, эмпирическое направление века не только не вредит и поэзии, но, напротив, оно оказало и оказывает ей важные услуги. Ему она обязана тем, что перестала быть арабесками и позолотою жизни, а сделалась сама жизнью...

Не спорим, что ко всем этим выгодам века примешиваются злоупотребления. Его положительность многие превращают в отвратительный цинизм грубых материальных влечений, а из стремления его измерять все мерою действительного человеческого добра извлекли закон самого бездушного и холодного эгоизма. Но чего не отравляют злоупотребления!..

Поэты наши еще жалуются на общество, на недостаток к ним сочувствия и еще на что-то: кажется, на неспособность понимать их. Это несправедливо. Общество удивляется истинным талантам и слушает с любовью их вдохновенные песни, если их можно понять...

Итак, где же причина печального отсутствия поэзии в нашей литературе? Мы думаем, что ее надобно искать не столько в вещах и обстоятельствах, сколько в лицах, то есть в полуразвитии и полудеятельности наших талантов...

Не будем же никого обвинять - ни века, ни общество в нашем бездействии, в презрении ко всякому благородному усилию в пользу искусства, в нашем совершенно нехудожественном настроении души; не будем искать изъяснения всего этого в мировых причинах. - О! если бы каждый из нас, возделав честно и разумно свой нравственный участок, предоставленный ему природою, жатва наша, может быть, не была бы так богата, чтобы питать чужих, но то верно, что мы сами не были бы голодны.

Между тем, как бы в доказательство, что природа не отказывает нам в благодатных дарах своих, которые мы должны только развивать и усовершенствовать, вот перед нами поэтические произведения нового, свежего таланта - стихотворения г. Лермонтова... Автор новых стихотворений простит нам, если мы без предварительных шумных восторгов, с некоторою боязнию войдем и в его мирный приют. Но вот мы и

вошли. Что же это такое? Где мы? Ведь это храм. На нас так и веет благоуханием свежих, прекрасных стихов; слышатся звуки, какие может изобрести только сердце, чтобы взволновать, очаровать ими людей; около нас носятся стройные, живые образы: здесь непременно живет поэзия, иначе быть не может...

Мы обращаем особенное внимание читателей на... художественное развитие идей в стихотворениях господина Лермонтова: это чрезвычайно важно. Идеи, особенно высокие, нам надоели до крайности; от них нет проходу в литературе, в обществе... Мы за то-то и благодарны господину Лермонтову, что у него идеи сделались премилыми, преумными пьесками: они вот как-то сосредоточились в его теплой и крепкой душе, не разлетелись в разные стороны по пространству бесконечного, организовались, как следует всему живому в природе, получили такое хорошенькое тело, стройное, здоровое, белое, с самою прекрасною головкою, с глазами, полными страсти и ума, с носиком, немножко вздернутым, потому что это уж нечто фамильное у всех олицетворенных идей нашего века: но ведь это только новый оттенок прелести. Вот идея стала живым существом, настоящею поэзиею, которая, наконец, устроившись совсем в своей внутренней экономии, получив уже и порядочное воспитание, как следует всякой благородной поэзии, раскрыла наконец свои бархатные алые уста и заговорила такими энергическими, живыми, легкими, ясными, такими классическими стихами, что даже строгая и важная критика, заслушавшись их, уронила свой анатомический ножичек и бросилась обнимать и целовать гостью...

1841 г.

(Из статьи «Стихотворения М. Лермонтова»)

А. В. Дружинин

Во всей истории русской литературы, за исключением личности Пушкина, с каждым годом и с каждым новейшим исследованием становящейся ближе к сердцу нашему, мы не находим фигуры более симпатичной, чем фигура

поэта Лермонтова. Загадочность, ее облекающая, еще сильнее приковывает к Лермонтову помыслы наши, уже подготовленные к любви и юностью великого писателя, и его безвременную кончиною, и страдальческими тонами многих его мелодий, и необыкновенными чертами всей его жизни. Большая часть современников Лермонтова, даже многие из лиц, связанных с ним родством и приятнью, говорят о поэте как о существе желчном, угловатом, испорченном и предававшемся самым неизвинительным капризам, - но рядом с близорукими взглядами этих очевидцев идут отзывы другого рода, отзывы людей, гордившихся дружбой Лермонтова и выше всех других связей ценивших эту дружбу. По словам их, стоило только раз пробить ледяную оболочку, только раз проникнуть под личину суровости, родившейся в Лермонтове отчасти вследствие огорчений, отчасти просто через прихоть молодости, - для того, чтоб разгадать сокровища любви, таившейся в этой богатой натуре. Жизнь Лермонтова, до сей поры еще никем не рассказанная, известна нам лишь весьма поверхностно, а между тем она изобилует фактами, говорящими в пользу поэта красноречивее всех дружеских панегириков. Лермонтов умел быть смелым в то время, когда прямая и смелая речь вела к великим бедам, - он заявил свою преданность русской музе в ту пору, когда эта муза могла лишь подвергать своих поклонников гонению и осуждению света...

(Из статьи «Сочинения М. Лермонтова»)

В. О. Ключевский

...Педагогический успех поэзии Лермонтова может показаться неожиданным. Принято думать, что Лермонтов - поэт байроновского направления, певец разочарования, а разочарование - настроение, мало приличествующее школьному возрасту и совсем неудобное для педагога как воспитательное средство. Между тем после старика Крылова, кажется, никто из русских поэтов не оставил после себя столько превосходных вещей, доступных воображению и сердцу учебного возраста без преждевременных возбуждений, и притом не в наивной форме басни, а в виде баллады, легенды, исторического рассказа, молитвы или просто лирического момента...

Поэзия Лермонтова развивалась довольно своеобразно. Поэт не сразу понял себя; его настроение долго оставалось для него самого загадкой. Это отчасти потому, что Лермонтов получил очень раннее и одностороннее развитие, ускорившееся излишним количеством внешних возбуждений. Рано пробудившаяся мысль питалась не столько непосредственным наблюдением, сколько усиленным и однообразным чтением, впечатлениями, какие навевались поэзией Пушкина, Гейне, Ламартина и особенно «огромного Байрона», с которым он уже на 16 году был неразлучен...

Историю... ранних и любимых дум своих, смутных, тревожных и настойчивых, он сам рассказал в стихотворении, помеченном 11 июня

1831 г. («Моя душа, я помню, с детских лет...»). Эта пьеса, которую можно назвать одной из первых глав поэтической автобиографии Лермонтова, показывает, как рано выработалась в нем та неугомная, вдумчивая, привычная к постоянной деятельности мысль, участие которой в поэтическом творчестве вместе с удивительно послушным воображением придает такую своеобразную энергию его поэзии.

Всегда кипит и зреет что-нибудь

В моем уме...

Лермонтов не выращивал своей поэзии из поэтического зерна, скрытого в глубине его духа, а, как скульптор, вырезывал ее из бесформенной массы своих представлений и ощущений, отбрасывая все лишнее. У него не ищите того поэтического света, какой бросает поэт-философ на мироздание, чтобы по-своему осветить соотношение его частей, их стройность или нескладичу, у него нет поисков смысла жизни; но в ее явлениях он искал своего собственного отражения, которое помогло бы ему понять самого себя, как смотрятся в зеркало, чтобы уловить выражение своего лица. Он высматривал себя в разнообразных явлениях природы, подслушивал себя в нестройной многоголосице жизни, перебирал один поэтический мотив за другим, чтобы угадать, который из них есть его собственный, его природная поэтическая

гамма, и, подбирая сродные звуки, поэт слил их в одно поэтическое созвучие, которое было отзвуком его поэтического духа. Это созвучие, эта лермонтовская поэтическая гамма - грусть как выражение не общего смысла жизни, а только характера личного существования, настроения единичного духа. Лермонтов - поэт не мирозерцания, а настроения, певец личной грусти, а не мировой скорби...

Грусть стала звучать в песне Лермонтова, как только он начал петь:

И грусти ранняя на мне печать...

Она проходит непрерывающимся мотивом по всей его поэзии; сначала заглушаемая звуками, взятыми с чужого голоса, она потом становится господствующей нотой, хотя и не освобождается вполне от этих чуждых звуков. Некоторыми наружными признаками и переходными моментами своей поэзии Лермонтов близко подходил к разным скорбным мирозерцаниям, философским или поэтическим, и к разочарованному презрению жизни и людей, и к пессимизму...

Поэзия Лермонтова - только настроение без притязания осветить мир каким-либо философским или поэтическим светом, расширяться в цельное мирозерцание...

Как и под какими влияниями сложилось такое настроение поэта? Своим происхождением оно тесно соприкасается с нравственной историей нашего общества. Поэзия Лермонтова всегда останется любопытным психологическим явлением и никогда не утратит своих художественных красот; но она имеет еще значение важного исторического симптома. Лермонтов - поэт по преимуществу лирический; его творчество воспроизводило почти исключительно жизнь сердца и касалось трудноуловимых ее мотивов. Господствующее место среди мотивов этой жизни занимает личное счастье. Вопрос об этом счастье, о том, в чем оно состоит и как достигается, всегда составлял важную и тревожную задачу для человеческого сердца. Поэзия Лермонтова подходила к этому вопросу с

обратной его стороны, с изнанки, если можно так выразиться: она пыталась указать, в чем не следует искать счастья и как можно без него обойтись...

Христианин растворяет горечь страдания отрадной мыслью о подвиге терпения и сдерживает радость чувством благодарности за незаслуженную милость. Эта радость сквозь слезы и есть христианская грусть, заменяющая личное счастье... Говорим о христианской грусти не по нравственному христианскому вероучению, которое учит не грустить, а надеяться и любить; разумею грусть, какою она является в домашней практике христианской жизни, терпимой христианским нравоучением...

Поэтическая грусть Лермонтова была художественным отголоском этой практической русско-христианской грусти, хотя и не близким к своему источнику...

Поэзия Лермонтова, освобождаясь от разочарования, навеянного жизнью светского общества, на последней ступени своего развития близко подошла к этому национально-религиозному настроению, и его грусть начала приобретать оттенок поэтической резиньяции, становилась художественным выражением того стиха-молитвы, который служит формулой русского религиозного настроения: да будет воля твоя. Никакой христианский народ своим бытом, всею своею историей не прочувствовал этого страха так глубоко, как русский, и ни один русский поэт доселе не был так способен глубоко проникнуться этим народным чувством и дать ему художественное выражение, как Лермонтов.

1891 г.

(Из статьи «Грусть. Памяти М. Ю. Лермонтова, умер 15 июля 1841 г.»)

Д. С. Мережковский

«Произошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против Дракона; и Дракон и ангелы его воевали против них; но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий Дракон.»

Существует древняя, вероятно, гностического происхождения легенда, упоминаемая Данте в «Божественной комедии», об отношении земного мира к этой небесной войне. Ангелам, сделавшим окончательный выбор между двумя станами, не надо рождаться, потому что время не может изменить их вечного решения; но колеблющихся, нерешительных между светом и тьмою благодать Божия посылает в мир, чтобы могли они сделать во времени выбор, не сделанный в вечности. Эти ангелы - души людей рождающихся. Та же благодать скрывает от них прошлую вечность, для того чтобы раздвоение, колебание воли в вечности прошлой не предвещало того уклона воли во времени, от которого зависит спасение или гибель их в вечности будущей. Вот почему так естественно мы думаем о том, что будет с нами после смерти, и не умеем, не можем, не хотим думать о том, что было до рождения. Нам надо забыть откуда - для того, чтобы яснее помнить куда.

Таков общий закон мистического опыта. Исключения из него редки, редки те души, для которых поднялся угол страшной завесы, скрывающей тайну премирную. Одна из таких душ - Лермонтов.

«Я счет своих лет потерял», - говорит пятнадцатилетний мальчик. Это можно принять за шутку, если бы это сказал кто-нибудь другой. Но Лермонтов никогда не шутит в признаниях о себе самом.

Чувство незапамятной давности, древности - «веков бесплодных ряд унылый», - воспоминание земного прошлого сливается у него с воспоминанием прошлой вечности, таинственные сумерки детства с еще более таинственным всполохом иного бытия, того, что было до рождения.

И я счет своих лет потерял

И крылья забвенья ловлю.

Как я сердце унести бы им дал,
Как бы вечность им бросил мою!

Так же просто, как другие люди говорят: моя жизнь, - Лермонтов говорит:
моя вечность.

Воспоминание, забвение - таковы две главные стихии в творчестве
Лермонтова.

О, когда я мог забыть,
Что незабвенно!..-

говорит пятнадцатилетний мальчик и впоследствии повторяет почти теми же
словами от лица

Демона:

Забывать? Забвенья не дал Бог.

Да он и не взял бы забвенья.

На дне всех эмпирических мук его - эта метафизическая мука - неутолимая
жажда забвенья:

Спасти от думы неизбежной

И незабвенное забыть!..

«Незабвенное» - прошлое - вечное...

К тому, что было до рождения, дети ближе, чем взрослые. Вот почему обладает Лермонтов никогда не изменяющей ему способностью возвращаться в детство, т. е. в какую-то прошлую вечную правду.

Накануне смерти, со смертью в душе, он «предается таким шалостям, которые могут прийти в голову разве только пятнадцатилетнему мальчику». «Бегали в горелки, играли в кошку-мышку, в серсо», - рассказывает Эмилия Александровна, та самая барышня, из-за которой Лермонтов был убит на дуэли Мартыновым.

«Тяжелый взор странно не согласовался с выражением детски нежных и выдававшихся губ», - вспоминает о нем И. С. Тургенев. «В его улыбке было что-то детское», - говорит Лермонтов о Печорине. Детское и женское...

«Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал; ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если бы услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать». Песня матери - песня ангела:

И голос той песни в душе молодой

Остался без слов, но живой...

Вся поэзия Лермонтова - воспоминание об этой песне, услышанной в прошлой вечности...

Весь жизненный опыт ничтожен перед опытом вечности.

По сравнению с блаженством

Тех дней, когда в жилищах света

Блистал он, чистый херувим, -

все земные радости - «скучные песни»:

И звуков небес заменить не могли

Ей скучные песни земли.

Маленький мальчик, который вчера играл в лошадки или солдатики, сегодня решает:

Пора уснуть последним сном;

Довольно в мире пожил я,

Обманут в жизни был во всем

И ненавидя, и любя.

Едва взглянув на мир, произносит свой безгневный и беспощадный приговор:
«Жалок мир».

Тут, конечно, и отзвук Байрона; но Байрон только вскрывает в нем то, что всегда было как данное, вечное.

Что говорит ребенок - повторяет взрослый:

...Жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,

Такая пустая и глупая шутка.

Никаких особенных разочарований или утрат не произошло в жизни его между тем первым ребяческим лепетом и этим последним воплем отчаяния, в

котором как бы зияет уже «тьма кромешная»; ничего нового не узнал, только вспомнил старое:

...Им в жизни нет уроков,
Их чувствам повторяться не дано, -

говорит он о себе подобных.

Знает все, что будет во времени, потому что знает все, что было в вечности.

...Много было взору моему
Доступно и понятно потому,
Что узами земными я не связан
И вечностью и знанием наказан.

«Наказан» в жизни за преступление до жизни.

Как другие вспоминают прошлое, так он предчувствует или, вернее, тоже вспоминает будущее - словно снимает с него покровы, один за другим, - и оно просвечивает сквозь них, как пламя сквозь ткань.

Кажется, во всемирной поэзии нечто единственное - это воспоминание будущего.

На шестнадцатом году жизни - первое видение смерти:

На месте казни, гордый, хоть презренный,
Я кончу жизнь мою.

Через год:

Я предузнал мой жребий, мой конец,
Кровавая меня могила ждет.

Через шесть лет:

Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет.

И наконец, в

1841 году, в самый год смерти - «Сон» - видение такой ужасающей ясности,
что секундант

Лермонтова, кн. Васильчиков, описывая дуэль через 30 лет, употребляет те же слова, как Лермонтов. «В правом боку дымилась рана, а в левом сочилась кровь», - говорит кн. Васильчиков.

Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь сочилась моя, -

говорит Лермонтов.

Это «воплощение будущего», воспоминание прошлой вечности кидает на всю его жизнь чудесный и страшный отблеск: так иногда последний луч заката из-под нависших туч освещает вдруг небо и землю неестественным заревом.

1908-1909 гг.

(Из статьи «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества»)

Д. Л. Андреев

Миссия Лермонтова - одна из глубочайших загадок нашей культуры.

С самых ранних лет - неотступное чувство собственного избранничества, какого-то исключительного долга, довлеющего над судьбой и душой; феноменально раннее развитие бушующего, раскаленного воображения и мощного, холодного ума; наднациональность психического строя при исконно русской стихийности чувств; пронизывающий насквозь человеческую душу суровый и зоркий взор; глубокая религиозность натуры, переключающая даже сомнение из плана философских суждений в план богоборнического бунта; высшая степень художественной одаренности при строжайшей взыскательности к себе, понуждающей отбирать для публикации только шедевры из шедевров...

Если не приоткрывать завесу над тайной миссии, не совершенной Лермонтовым, то хотя бы угадать ее направление может помочь метаисторическое созерцание и размышление о полярности его души.

Такое созерцание приведет к следующему выводу: в личности и творчестве Лермонтова различаются, без особого усилия, две противоположные тенденции. Первая: линия богоборческая, обозначающаяся уже в детских его стихах и поверхностным наблюдателям кажущаяся видоизменением модного байронизма. Если байронизм есть противопоставление свободной, гордой личности окованному цепями условностей и посредственности человеческому обществу, то, конечно, здесь налицо и байронизм... Богоборческая тенденция проявилась у него... не только в слое мистического

опыта и глубинной памяти, но и в слое сугубо интеллектуальном, и в слое повседневных действенных проявлений, в жизни... В интеллектуальном же плане эта бунтарская тенденция приобрела вид холодного и горького скепсиса, вид скорбных, разъедающе-пессимистических раздумий чтеца человеческих душ...

И, наряду с этой тенденцией, в глубине его стихов, с первых лет и до последних, тихо струится, журча и поднимаясь порой до неповторимо дивных звучаний, вторая струя: светлая, задушевная, теплая вера. Надо было утратить всякую способность к пониманию духовной реальности до такой степени, как это случилось с русской критикой последнего столетия, чтобы не уразуметь черным по белому написанных, прямо в уши кричащих свидетельств об этой реальности в лермонтовских стихах. Надо окаменеть мыслью, чтобы не додуматься до того, что Ангел, несший его душу на землю и певший эту песнь, которой потом «заменить не могли ей скучные песни земли», есть не литературный прием, как это было у Байрона, а факт... Нужно быть начисто лишенным религиозного слуха, чтобы не почувствовать всю подлинность и глубину его переживаний, породивших лирический акафист «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...», чтобы не уловить того музыкально-поэтического факта, что наиболее совершенные по своей небывалой поэтической музыкальности строфы Лермонтова говорят именно о второй реальности, просвечивающей сквозь зримую всем: «Ветка Палестины», «Русалка», изумительные строфы о Востоке в «Споре», «Когда волнуется желтеющая нива», « На воздушном океане », « В полдневный жар в пустыне Дагестана», «Три пальмы», картины природы в «Мцыри», в «Демоне» и многое другое.

Очевидно, в направлении еще большей, предельной поляризации этих двух тенденций, в их смертельной борьбе, в победе утверждающего начала и в достижении наивысшей мудрости и просветленности творческого духа и лежала несвершенная миссия Лермонтова. Но дело в том, что Лермонтов был не «художественный гений вообще» и не только вестник, - он был русским художественным гением и русским вестником, и в качестве таковых он не мог удовлетвориться формулой «слова поэта суть дела его». Вся жизнь Михаила Юрьевича была, в сущности, мучительными поисками, к чему приложить разрывающую его силу... Возможно, что этот титан так и не разрешил бы никогда заданную ему задачу: слить художественное

творчество с духовным деланием и подвигом жизни, превратиться из вестника в пророка. Но мне лично кажется более вероятным другое: если бы не разразилась пятигорская катастрофа, со временем русское общество оказалось бы зрителем такого - непредставимого для нас и неповторимого ни для кого - жизненного пути, который привел бы Лермонтова-старца к вершинам, где этика, религия и искусство сливаются в одно, где все блуждания и падения прошлого преодолены, осмыслены и послужили обогащению духа и где мудрость, прозорливость и просветленное величие таковы, что все человечество взирает на этих владык горных вершин культуры с благоговением, любовью и с трепетом радости.

1950-1958 гг.

(Из книги «Роза мира»)

Н. О. Лосский

Лермонтов с его загадочным характером способен был написать кощунственное стихотворение «Благодарность», обращенное к Богу с ироническими выражениями благодарности и заканчивающееся просьбой:

Устрой лишь так, чтобы

Тебя отныне

Недолго я еще благодарил.

Желание его было исполнено: через полгода на дуэли пуля попала ему прямо в сердце. И этот Лермонтов обладал высокой способностью религиозного опыта. Он воспринимал иногда природу так, как видят ее странники с чистым сердцем, созерцающие в ней славу Божию. Чтобы согласиться с этим, нужно прочитать стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива», и тогда станет понятным конец его:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, -
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

Такое же созерцание природы выражено и в стихотворении:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

На такой же основе возникла и молитва «В минуту трудную...».

Глубокая религиозность Лермонтова выразилась в молитве его: «Я, Мать Божия, ныне с молитвою...» к «Теплой заступнице мира холодного». Возможно, что загадка мятежной души Лермонтова была бы разрешена, если понять судьбу его так, как он описывает в стихотворении «По небу полуночи ангел летел» жизнь души, принесенной на землю ангелом:

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Замечательна любовь Лермонтова к русской природе и к русскому народу, выраженная, например, в стихотворении «Люблю отчизну я, но странною любовью».

Стихотворение «Три пальмы» можно понять лишь на основе философии, признающей про-низанность всего мирового строя нравственным смыслом...

1957 г.

(Из статьи «Характер русского народа»)

А. Маймин

Романтический пафос в значительной мере определил направление всей лермонтовской поэзии, при этом литературные истоки ее были далеко не однородными. В стихах Лермонтова - особенно ранних - есть отзвуки произведений Рылеева и русских поэтов философско-романтического направления; в творчестве Лермонтова заметно сильное воздействие романтических произведений Пушкина и романтической поэзии Байрона. Молодой Лермонтов был похож на многих, но даже в молодости больше всего он походил на самого себя. Его связи с разнообразными романтическими литературными традициями совсем не мешали резкой определенности и индивидуальности его поэтических исканий. В русской литературе Лермонтов принадлежит к числу тех поэтов, кто более других отличался «лица не общим выраженьем», отличался характерностью поэтического почерка, неповторимостью поэтического голоса...

Литературная, поэтическая биография Лермонтова заметно разделяется на два этапа. Первый, юношеский, до 1834 года; к нему относится большое количество произведений в разных жанрах, которые при жизни Лермонтова не печатались. Второй этап - зрелый - включает произведения 1835-1841

годов, которые Лермонтов опубликовал или во всяком случае предназначал для печати.

В раннем периоде своего творчества Лермонтов выступал исключительно как романтический поэт...

Юноша Лермонтов начинает свой литературный путь со стихов о поэте. Из 4 стихотворений, написанных в 1828 году, два, притом наиболее значительных, посвящены именно этой теме: стихотворения «Цевница» и «Поэт». В первой пьесе есть отголоски пушкинского стихотворения «Муза» (1821): образ цевницы как ключевой, смыслообразующий; мотивы воспоминания (у Лермонтова- «души святое вспоминанье»). Вторая из указанных пьес напоминает стихотворение «Поэт» Пушкина и еще больше - стихи на эту тему Веневитинова и Хомякова...

Тема поэта - одна из самых популярных и разработанных у поэтов-романтиков. Лермонтов, таким образом, начинает с вершинных и ключевых тем романтической поэзии...

Связь Лермонтова с рылеевской литературной традицией весьма ощутима и значительна. В 1829 году Лермонтов пишет послание «К Д(урно)ву». Это стихотворение о дружбе, которая позволяет преодолеть трагическое (и романтическое) одиночество поэта:

Я пробегал страны России,
Как бедный странник меж людей,
Везде шипят коварства змии;
Я думал: в свете нет друзей! -
Нет дружбы нежно-постоянной,
И бескорыстной, и простой;

Но ты явился, гость незванный,
И вновь мне возвратил покой...

Вспомним, что писал Рылеев в посвящении к поэме «Войнаровский»,
обращаясь к Бестужеву:

Как странник грустный, одинокий,
В степях Аравии пустой,
Из края в край с тоской глубокой
Бродил я в мире сиротой...

Сходство раннего стихотворения Лермонтова со стихотворным посвящением Рылеева носит местами дословный характер. Это не подражание Рылееву, а своеобразная цитация из Рылеева. Подражание в поэзии может быть и бессознательным, цитация - всегда осознанная. Лермонтов хорошо сознает свою связь с рылеевскими традициями и отчасти демонстрирует ее.

В русле рылеевских традиций написано Лермонтовым и другое стихотворение 1829 года - «Жалобы турка»...

Лирический герой Лермонтова наделен приметами, которые в равной мере характеризуют его как личность, как представителя человечества, как человека определенного времени. Он - яркая индивидуальность, и вместе с тем он в своей характерности неотделим от людей, от эпохи. Эти качества героя в значительной степени и определяют своеобразие лирики Лермонтова...

Исповедь лермонтовского героя всегда соотносится с общезначимыми, с вечными проблемами человека и человеческого бытия. Исповедь героя у

Лермонтова заключает в себе одновременно и психологический, и философский интерес...

В зрелый период своего творчества, который падает на вторую половину 30-х годов, и в лирике, и в поэмах, и в прозе Лермонтов высказывает сильную тенденцию к реалистическому изображению мира и человека, не переставая вместе с тем быть романтиком. Романтизм и реализм часто сосуществуют в произведениях Лермонтова этого времени...

Романтический герой у зрелого Лермонтова сопоставляется с реальным миром и не менее того с реальными, близкими к земле и к земной, народной правде героями. Рядом с героем одиноким, разочарованным, отрицающим, трагедийным появляется герой, понимающий и принимающий обыкновенные, земные жизненные ценности- герой «Бородина» и «Родины»... В поэзии зрелого Лермонтова возвышенное и романтическое не просто уживаются, но и внутренне взаимодействуют со стремлением к простоте, к вековой народной правде, к реальному.

1975 г.

(Из статьи «Романтизм Лермонтова»)

Вопросы и задания

Какие факты биографии, на ваш взгляд, имели определяющее значение в судьбе и творчестве Лермонтова?

Где проходили детские и юношеские годы Лермонтова?

Каковы причины первой и второй ссылок поэта на Кавказ?

Расскажите о последних месяцах жизни Лермонтова.

Назовите основные темы лирики Лермонтова. Дайте подробную характеристику одной из них.

Какие традиции продолжает поэт в стихотворении «Жалобы турка»? Как они выражены в тексте?

Какова тема стихотворения «Монолог»? В каком позднем произведении Лермонтова эта тема продолжена? Проведите сравнительный анализ.

О чем говорит поэт в «Предсказании»?

Почему поиски идеалов в прошлой истории России приводят поэта к созданию произведений «Новгород» и «Бородино»?

В чем видит лирический герой поэзии Лермонтова свое внутреннее родство с Байроном и Наполеоном?

Сравните два варианта стихотворения «Мой демон» (1829, 1831).

Какие романтические образы воплощены в стихотворении «Парус»? Определите тематическую направленность этого произведения.

Расскажите о создании стихотворения «Смерть поэта» и проанализируйте его.

Сравните стихотворения Пушкина и Лермонтова «Узник».

Определите тематическое и образное родство стихотворений Лермонтова «Кинжал» и «Поэт».

Проанализируйте стихотворение «Дума».

Как проявился в произведениях Лермонтова мотив маскарадности, бездуховности света?

В чем своеобразие любовной лирики Лермонтова?

Какие взгляды Лермонтова на литературное творчество выражены в произведении «Журналист, Читатель и Писатель»?

Какие события жизни Лермонтова связаны с созданием стихотворения «Тучи»?

Выскажите свои впечатления от стихотворения «Прощай, немытая Россия...».

Расскажите историю создания стихотворения «Родина». В чем, на ваш взгляд, проявилась «странная любовь» Лермонтова к отчизне?

Как изменилась трактовка стихотворения Гейне в свободном переводе Лермонтова («На севере диком стоит одиноко...»)?

В чем проявилось своеобразие пейзажной лирики Лермонтова?

Как раскрывается в лирике поэта тема самопознания?

О каких двух противоположных тенденциях в творчестве Лермонтова говорит Д. Андреев?

Сравните два стихотворения «Пророк», принадлежащие Пушкину и Лермонтову.

Проанализируйте стихотворение «Выхожу один я на дорогу...».

Какое место в творчестве Лермонтова занимает тема отрицания? Какие мотивы входят в нее?

Как понимает поэт свое творческое назначение?

Каким вы видите лирического героя поэзии Лермонтова?

Дайте общую характеристику творческого пути Лермонтова (на примере лирических произведений).

Какие этапы традиционно выделяют в творчестве Лермонтова?

В чем, на ваш взгляд, проявился интерес к проблеме личности в поэзии Лермонтова?

Прочитайте высказывания критиков, философов и религиозных деятелей о лирике Лермонтова. Определите позицию каждого.

Почему, на ваш взгляд, в статье Мережковского Лермонтов назван «поэтом сверхчеловечества»?

Попытайтесь охарактеризовать ваше отношение к поэзии Лермонтова.

Темы сочинений по творчеству М. Ю. Лермонтова

«Люблю отчизну я, но странною любовью...» (тема Родины в лирике М. Ю. Лермонтова).

Судьба поколения в лирике М. Ю. Лермонтова.

Тема гордого одиночества и ее воплощение в лирике М. Ю. Лермонтова.

Образ поэта в лирике М. Ю. Лермонтова.

Лирический герой поэзии М. Ю. Лермонтова.

Пейзажная лирика М. Ю. Лермонтова.

Романтическая лирика М. Ю. Лермонтова.

Проблема личности и ее отражение в лирике М. Ю. Лермонтова.

Пушкин и Лермонтов.

Своеобразие лирического мироощущения М. Ю. Лермонтова.

Развернутые планы сочинений

Романтические мотивы в лирике Лермонтова

I. Определяющее значение романтического пафоса во всей поэзии Лермонтова («Лермонтов - крупнейший представитель русского и мирового романтизма, и величие его связано не только с тем, что его творчество зрелого периода развивалось в сторону реализма, но и с тем, что он был романтиком и в известных пределах оставался им до конца». Д.Е.Максимов).

II. Развитие романтических мотивов в творчестве Лермонтова:

1) раннее творчество:

а) стремление к романтическим идеалам: «И Байрона достигнуть я б хотел» («К***», 1830);

б) романтические традиции в теме поэта («Поэт», 1828);

в) рылеевские традиции в выражении политических идеалов («Жалобы турка», 1829; «Новгород», 1830);

г) романтические мотивы в философской лирике («Ночь I»; «Ночь II»; «Ночь III», 1830 - все; «Небо и звезды», 1831);

д) темы трагической разочарованности и раздвоенности лирического героя («К***», 1830; «1831-го июня 11 дня»);

е) монологи-исповеди лирического героя, носящие автобиографический характер («1831-го июня 11 дня»; «Портреты», 1832);

2) зрелое творчество:

а) романтические мотивы на фоне реалистического изображения жизни («Умиравший гладиатор», 1836; «Я не хочу, чтоб свет узнал...», 1837);

б) романтическая трактовка образа в «наполеоновском цикле» («Воздушный корабль», 1840; « Последнее новоселье », 1841);

в) романтическое проявление темы одиночества (« На севере диком стоит одиноко...», 1841);

г) тема рока как примета романтизма («Три пальмы», 1841);

д) тема поэта и толпы носит трагедийный характер, где образ поэта наделен чертами демона («Пророк», 1841);

3) демоническая тема - одна из центральных во всем творчестве Лермонтова:

а) Демон как злой дух всего человечества («Мой демон», 1829, 1831 - вторая редакция);

б) романтический протест Демона небесным силам - это вызов поэта косным устоям общества (поэма «Демон», 1841);

4) воплощение романтических идеалов лирики в поэме «Мцыри»: образ Мцыри как воплощение пафоса свободы и человеческой активности.

III. Исповедальный характер лермонтовской лирики как особенность романтического мировосприятия.

Мир художественных образов в лирике Лермонтова

I. Лермонтовская поэзия - единство тематических, композиционных, стилистических элементов:

1) движение творчества от романтизма к реализму не нарушает стройности и гармоничности художественного мира произведений;

2) влияние романтической тематики на реалистические произведения привело к использованию определенных художественных образов на протяжении всего творческого пути поэта.

II. Своеобразие образной структуры лирических произведений Лермонтова:

1) формы композиции:

а) принцип противопоставления образов («Парус», 1832; «На севере диком стоит одиноко...», «Утес», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...», 1841 - все);

б) принцип сравнения, аналогии образов («Нищий», 1830; «Умиравший гладиатор», 1836);

2) интонационно-тематическая организация произведения:

а) ораторская («Безумец я! вы правы, правы...», 1832; «Смерть поэта», 1837; «Дума», 1838);

б) песенная («Желание», 1831; «Нет, не тебя так пылко я люблю...», 1841);

3) ритмика:

а) сочетание песенной интонации с трехсложными размерами стихотворной речи («Дубовый листок оторвался от ветки родимой...», 1841);

б) сочетание ораторской интонации с двусложными размерами стихотворной речи («Прощай, немытая Россия...», 1841);

4) средства художественной изобразительности:

а) метафоры строятся по принципам романтической поэтики: сопоставление по контрасту, установка на эмоциональную выразительность («тайный яд течет в моей крови», «венец терновый я осужден влачить», «тогда раскаянья кинжал пронзит тебя»);

б) олицетворение природы («и звезды слушают меня, лучами радостно играя»; «месяц и звезды и тучи толпой внимали той песне святой»);

в) сравнения романтического характера («знамя вольности, как дух, идет перед толпой»); общего характера («лицом прелестный, как любовь»); с использованием образов животных, птиц, растений («она резва, как лань степная»; «она ускользнет как змея, вспорхнет и умчится как птичка»);

г) эпитеты, выражающие гордость и мятеж-ность («и гордый ропот человека твой вечный мир не возмутит»); тоску, одиночество («я здесь холодный, равнодушный»); вечность, беспредельность («и гордый ропот человека их вечный мир не возмутит»); любовь, преданность («слышу ли голос твой звонкий и ласковый»); красоту природы («звонко-бегущие ручьи»; «лазурно-яркий свод небес», «золотая бахрома снегов»).

III. Богатство образной структуры позволяет читателю воспринимать лирику Лермонтова поистине как «бездонный океан»(В. Г. Белинский).